

Блок-Нарган Наталия

**ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАГМЕНТА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО ЗА 1873 ГОД «СМЯТЕННЫЙ ВИД»**

Мета статті обґрунтування жанрової приналежності фрагменту «Щоденника письменника» Ф. М. Достоевського до рецензії. Йдеться про художні особливості та пафос як оповідання М. С. Лєскова, на яке Достоевський писав рецензію, так і самої рецензії, яка міститься у «Щоденнику» під назвою «Смирений вигляд».

Ключові слова: літературна критика, рецензія, авторська модальність, оповідання, проблематика

В статье будет идти речь об одной из частей «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского за 1873 год. Федор Михайлович Достоевский настолько был устремлен к практической деятельности, что проявил себя и как писатель, и как публицист, и как критик, и как философ. Это очевидно каждому, кто читает его романы. Однако, на наш взгляд, наиболее полно многогранность натуры Достоевского проявилась в «Дневнике писателя», выходявшем на протяжении значительного отрезка времени. Первый выпуск состоялся в 1873 году, за ним последовали выпуски 1876 – 1877 годов и, наконец, 1880 и 1881 гг. На страницах «Дневника писателя» читатель находит высказывания Ф. М. Достоевского, вызванные его переживанием общественно-политических процессов, выражающие его понимание религиозных, философских и исторических проблем. А. В. Кузнецова и Г. А. Склейнис следующим образом определяют признаки публицистичности в нем: «...подчеркнутая полемичность, особая поэтика, пафос и стиль, обращение к актуальным проблемам, реальным событиям современности, документальность, диалогичность повествования, ясность, лаконичность, логичность рассужения» [3, 88]. Эта особенность «Дневника писателя» объясняется авторами статьи, во-первых, интересом Достоевского к фактам. Опираясь на высказывания самого писателя, они показывают, что действительность для него была важнее ее изображения, что, безусловно, не исключало для него значимости художественного осмысления фактов действительности. Во-вторых, пишут А. В. Кузнецова и Г. А. Склейнис, публицистика всегда требует от автора диалогичности его слова. А именно диалог, выявление истины в процессе полемики были для Ф. М. Достоевского определяющими. На эту особенность мышления художника, на то, что природа его гения «диалектическая» [5, 381], обращают внимание многие исследователи. В частности – В. А. Туниманов. В подтверждение своей оценки исследователь приводит высказывание Достоевского об Ап. Григорьеве, который утверждал, что он критик, а не публицист. Ф. М. Достоевский следующим образом возражал Ап. Григорьеву «...всякий критик должен быть публицистом, в том смысле, что обязанность всякого критика – не только иметь твердые убеждения, но и уметь проводить свои убеждения» [7, 193].

В «Дневнике писателя» значительное место занимают рассуждения Ф. М. Достоевского на темы литературно-художественного творчества – все то, что может быть обозначено как «литературная критика». И здесь, безусловно, не могла не отразиться склонность Ф. М. Достоевского к полемике. Мы остановимся на той части «Дневника писателя» за 1873 год, жанр которой может быть определен как «рецензия». Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению содержит следующее определение этого термина: «Рецензия (от лат. *recensio* – осмотр, обследование) – публицистический жанр, представляющий собой анализ и оценку научного, общественно-политического или художественного произведения» [6, 196]. Этот жанр исследователи относят к разряду «первичных» в писательской критике. Поясняя его значимость, С. А. Кочетова пишет: «... без умения проанализировать и оценить отдельное произведение нельзя разобраться и в литературно-художественном процессе. В рецензии на новинки литературы, в отличие от рецензий на научные публикации, информационная сторона уступает место задаче анализа и оценки, которые допускают естественную возможность разного прочтения художественного произведения разными критиками» [2, 130]. Другая исследовательница, О. Г. Шильникова, определяет рецензию как

«жанр с приоритетной ценностно-оценочной ориентацией критической рефлексии и обязательным наличием субъективной модальности» [9, 55]. Рецензия как жанр литературной критики зарождается в России в конце XVIII века и очень быстро занимает лидирующее положение. Главными функциями рецензии являются информационная и культууроформирующая. Кроме того, рецензия также выступает средством эстетического воспитания и просвещения. Ядром же, «концептуальным началом, которое интегрирует разрозненные, на первый взгляд, оценки и характеристики в цельную картину современной литературной жизни» в рецензии является «авторское ценностное сознание» [9, 62]. В рецензии, пишет О. Г. Шильникова, «авторская индивидуальность была намеренно актуализирована и на уровне критической рефлексии, и на уровне ее текстового воплощения, что в процессе дальнейшей исторической эволюции жанра закономерно приводило к совершенствованию приемов личностной идентификации критического субъекта и поиску разнообразных и убедительных для аудитории приемов аргументации именно индивидуального ценностного суждения» [9, 66]. Таким образом, рецензия как жанр литературной критики интересна целым рядом ее сторон: в ней выражена авторская модальность, она является интерпретацией определенного художественного произведения современной автору рецензии литературы и, следовательно, так или иначе, содержит и точку зрения того писателя, сочинению которого посвящена, и, наконец, модальность автора рецензии выражена в предельно диалогичной форме, содержит аргументацию и ориентирована на реципиента рецензии. Все это мы и постараемся выявить в «Смятенном виде» как части «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского за 1873 год.

Достоевский начинает ее с обозначения объекта своей рецензии. Он пишет, что прочитал «"Запечатленного ангела" г-на Лескова, поэму Некрасова и статью г-на Щедрина» и хотел бы высказаться «по поводу» этих сочинений. Начинает он с рассказа Н. С. Лескова, опубликованного в «Русском вестнике». Он сразу отмечает интерес публики к этому произведению и признает, что рассказ достоин внимания, он и «характерен» и «занимателен». И далее кратко излагает суть происходящего в рассказе. Подобный пересказ фабулы художественного произведения – одна из составляющих жанра рецензии. Ее ввел в обиход Н. М. Карамзин. Вот как О. Г. Шильникова определяет значение этого нововведения: «За счет включения в структуру рецензии пересказа художественного текста, краткого разбора произведения, оценочных характеристик, а также биографических сведений и цитирования Н. М. Карамзин сумел значительно расширить аналитические возможности данного жанра. Все названные компоненты могли варьироваться и по составу, и по объему. Однако их постоянным и обязательным компонентом оставалась оценка» [9, 59]. Тем самым Н. М. Карамзину удалось усилить аксиологический потенциал рецензии как жанра литературной критики. Поэтому постараемся понять, чем был вызван интерес Ф. М. Достоевского именно к этому произведению писателя и его современника, в чем он видел его ценность.

В значительной мере Н. С. Лесков был близок Ф. М. Достоевскому своим миропониманием, своим представлением о высоком в человеке. Судьба героя Лескова аккумулирует в себе общенародное, общенациональное. В первую очередь – веру. Праведниками, без которых «несть граду стояния», были для него люди, глубоко верующие, чистые душой, не представляющие своей жизни вне субстанциального, общенародного. Все это можно сказать и о Достоевском. Правда, Ф. М. Достоевского в первую очередь интересовала та идея, которую сформировал его герой и которую он попытался реализовать.

Как правило, идея героя оказывается в романах Достоевского результатом утраты «почвы», а тем самым – веры. На основании этого можно сказать, что этого художника больше всего интересовало рациональное в человеке (идея, которая управляет его поведением), точнее, конфликт между рациональным и нравственным в герое. Такому герою в произведениях Ф. М. Достоевского, как правило, противостоит кроткая, альтруистическая личность. Но в центре внимания находится герой-индивидуалист, тот путь который он проходит в процессе проверки своей идеи и последующего разочарования в ней. Н. С. Лесков в большей мере был сосредоточен на героях, эмоционально воспринимающих мир, на тех, для кого вера выше сомнения. Что же касается нормы мироустройства и устройства человека, то представление о ней у обоих писателей было близким. Объединяло их также включение в произведение мотива противостояния индивидуализма и альтруизма как ключевого, неприятие нигилизма, все больше распространявшегося в обществе.

Тема рассказа Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» (1873) – приход староверов к «жажде единоплемянника с отечеством» [4, 105]. Это явилось результатом переживания ими встречи с чудом. Благодаря пережитому чуду они, по образному выражению одного из староверов, оказались «под церковь подсунутыми» [4, 105]. «Запечатленный ангел» является рассказом и с точки зрения своих жанровых особенностей, и с точки зрения своей формы: о главных событиях рассказывает их участник. Примечательно время (святки) и место этого процесса рассказывания (постоялый двор). Святки, как известно, являются календарной вехой, определяющей переживаемые человеком перемены. Это дата, когда он может подвергаться силам хаоса. В данном случае против артельщиков были социальные верхи, мирская власть, которые были ограничены лишь заботой о материальном и потому оказались способными посягнуть даже на символы веры. Однако еще одним враждебным героям обстоятельством стала беззащитность церковной власти перед мирской. Однако святки – это не только время усиления опасности для человека, но и тот момент, когда человек преодолевает как собственные сомнения и слабости, так и внешние препятствия. Тем самым он готовит себя для новой жизни. Что же касается пространства постоянного двора, то оно приближает находящихся там людей к карнавальному состоянию мира. Они утрачивают то, что их разъединяет. «Тут, – читаем мы в рассказе Н. С. Лескова, – очутились в одной куче дворяне, купцы и крестьяне, русские и мордва, и чуваша. Соблюдать чины и ранги на таком ночлеге было невозможно: куда ни повернись, везде теснота...» [4, 69]. И здесь, в обстановке когда «уснуть решительно невозможно» [4, 70], находится человек, который предлагает себя в качестве сказителя – он «сказывает» историю, случившуюся с ним самим. Он сразу заинтриговывает слушателей тем, что это было «дело весьма священное и даже страшное» [4, 70]. Рассказчик вспоминает, как ходил с артелью каменщиков. И все они были староверами. У них были свои иконописные святыни, «все самые пречудные, письма самого искусного, древнего, либо настоящего греческого, либо первых новгородских или строгановских изографов», которые они тщательно оберегали. «Такой возвышенности, – восклицает рассказчик, – я уже после нигде не видел!» [4, 71]. На одной из самых чтимых ими икон (ее переносили на теле, не решались положить в обоз) был изображен ангел. «Сей ангел, – сообщает бывший старовер, – воистину был что-то неопишное. Лик у него, как сейчас вижу, самый светлорощенный и этакий скоропомощный; взор умилен; .... Дивно! Дивно! Глянешь на эти крылья, и где твой весь страх денется: молишься “осени”, и сейчас весь стихаешь, а в душе станет мир. Вот эта была какая икона!» [4, 71]. Но так случилось, что из-за нравственной слабости одного из артельщиков (занимавшегося счетом Пимена

Иванова) они лишились своих икон. Более того, самая ценная для них икона с ангелом была осквернена печатью. Дальнейшие события связаны с попыткой артельщиков спасти свою икону.

Ф. М. Достоевский подробно пересказывает в своей рецензии содержание рассказа Н. С. Лескова. Но главное для него – обосновать собственные взгляды. Таким образом, рассказ Н.С. Лескова стал для него главным образом поводом для того, чтобы выразить свое понимание случившегося. Известно, что рецензии бывают двух типов: аналитические и новостные (информационные). Рецензия Достоевского, о которой идет речь, относится к разряду аналитических. Она соответствует той характеристике этого жанра литературной критики, которая приведена в статье О. Г. Шильниковой. Исследовательница пишет, что «структурно-композиционным стержнем и смысловым ядром текста рецензии является ценностная матрица авторского сознания и порождаемая ею аксиосфера: ценностные принципы, критерии, суждения – мировоззренческие, эстетические, морально-нравственные, лично-вкусовые. Они и становятся инструментом анализа и оценки эстетического объекта» [9, 66]. Полемика Ф. М. Достоевского с Н. С. Лесковым в рецензии «Смятенный вид» не эстетического (художественная ценность «Запечатленного ангела» у него не вызывает сомнений, он признает, что история «отлично рассказана и заслуживает многих похвал» [1, 56]), не мировоззренческого (Достоевскому, как и Лескову, близки проблемы веры, путей ее укрепления), ни тем более «лично-вкусового» характера. В центре рецензии – вопросы, скорее, социального характера. Он называет «Запечатленного ангела» произведением «почти неправдоподобным» в связи с тем, что описанная в нем высшая духовная власть «так мало имеет власти» [1, 57]. «Неужели, – восклицает Ф. М. Достоевский, – равнодушием и леностью и неслыханным предположением, что он (архиерей – *Н. Блок-Нарган*), забыв обязанность своего сана, обратился в чиновника от правительства? Ведь если уж такая нелепость зайдет в головы духовных чад его, то уж это всего хуже: православные дети его постепенно потеряют всякую энергию в деле веры, умиление и преданность к церкви, а раскол будет смотреть на православную церковь с презрением. Ведь значит же что-нибудь пастырь? Ведь понимают же это раскольники?» [1, 56]. Таким образом, центр рецензии Ф. М. Достоевского – решение вопроса об отношениях между пастырем и паствой, о статусе пастыря в современной России. В качестве аргумента Достоевский прибегает к воображаемой ситуации: что могло случиться, если бы в десять раз высшее, чем какой-то государственный посредник, лицо осмелилось так бесцеремонно вести себя с «остзейским пастором», как ведут себя власти по отношению к православному архиерею в рассказе Н. С. Лескова. «Господи, – восклицает Ф. М. Достоевский, – какой бы этот пастор затеял крик и какой бы в самом деле поднялся крик!» [1, 57].

Важность статуса священника в современной России, «настоятельность» необходимости помощи духовенства народу Ф. М. Достоевский аргументирует особой драматичностью переживаемого всем народом состояния. Для него современная эпоха – переходная. «Мы, – пишет он, – переживаем самую смутную, самую неудобную, самую переходную и самую роковую минуту, может быть, из всей истории русского народа» [1, 58]. Поэтому с такой остротой он переживал примеры смиренности духовной власти перед мирской. «Социальное христианство, деятельная любовь – это путь, указанный Ф. М. Достоевским, – пишет современный исследователь творчества писателя М. Тупеев. – Деятельная – значит **проявленная**, проявившая себя в конкретных поступках и делах, сострадательная и беззаветная. Она серьезно отличается от той отстраненной холодности,

которую зачастую и принимают за подлинную святость» [8, 278]. Безусловно, архиерей в рассказе Н. С. Лескова не был «отстраненно холоден». Но он проявил бессилие перед мирской властью. И именно против подобного бессилия и направлен пафос рецензии на рассказ Ф. М. Достоевского. Обратим внимание на то, как он называет эту часть своего «Дневника»: «Смиранный вид». Безусловно, он при этом опирается на текст рецензируемого им произведения Н. С. Лескова (так именовал икону архиерей). Но для Ф. М. Достоевского эти слова из «Запечатленного ангела» стали знаковыми. По его мнению, главная беда и вина духовного пастыря заключается в его собственной «смиранныости» перед откровенно противоестественным с точки зрения православия поведением по отношению к святыне.

Выводы. Нами была рассмотрена одна из частей «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского за 1873 год. Сам автор отнес ее к литературной критике. На наш взгляд, идет речь о таком жанре критики, как рецензия. Признаки «Смиранныго вида», являющегося рецензией на вышедший в том же, что и «Дневник», году рассказ Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» обусловлены природой жанра. Это обязательность субъективной модальности, приоритет ценностно-оценочной ориентации, установка на полемику и, следовательно, аргументацию собственной позиции, эмоциональность формы. Все эти признаки позволяют судить о Ф. М. Достоевском не только как о великом художнике слова, но и публицисте.

Список использованной литературы

1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Ленинград: Наука, 1972 – 1990. Т. 21. 552 с.
2. Кочетова С. А. Эстетика и поэтика писательской критики русских модернистов конца XIX – начала XX столетий. Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2009. 344 с.
3. Кузнецова А. В., Склейнис Г. А. Соотношение художественности публицистичности в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского. *Классика и современность в изящной словесности XIX – XXI столетий*: Сб. научн. статей. Брест: БрГУ имени А. С. Пушкина, 2014. С. 83 – 88.
4. Лесков Н. С. Рассказы и повести. Москва: Художественная литература, 1982. 496 с.
5. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. Москва: Республика, 1995. 607 с.
6. Русова Н. Ю. От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. Москва: Флинта; Наука, 2004. 304 с.
7. Туниманов В. А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя». *Достоевский – художник и мыслитель*. Москва: Республика, 1972. С. 165 – 209.
8. Тупеев М. Почвенничество и полифонический принцип Ф. М. Достоевского. *Достоевский и мировая культура: Альманах, № 22*. Москва, 2007. С. 270 – 285.
9. Шильникова О. Г. Рецензия как жанр литературной критики: генезис, формирование структурно-функциональных параметров. *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 8, Литературоведение*. 2017. № 1 (16). С. 55 – 67.